

Виктор Пелевин

Миттельшпиль

ФТМ

Виктор Пелевин

Миттельшпиль

«ФТМ»

1991

Пелевин В. О.

Миттельшпиль / В. О. Пелевин — «ФТМ», 1991 — (Рассказы Виктора Пелевина)

ISBN 978-5-457-09999-9

ISBN 978-5-457-09999-9

© Пелевин В. О., 1991

© ФТМ, 1991

Виктор Пелевин

Миттельшпиль

Участок тротуара у «Националя» – последние десять метров Тверской улицы Горького – был обнесен деревянными столбиками, между которыми на холодном январском ветру раскачивалась веревка с мятыми красными флажками. Желая спуститься в подземный переход приходилось сходить с тротуара и идти вдоль припаркованных машин, читая яркие оскорбления на непонятных языках, приклеенные к стеклам изнутри. Особенно обидной Люсе показалась надпись на огромном обтекаемом автобусе – «We show you Europe». Насчет «We» было ясно – это фирма, которой принадлежал автобус. А вот кто этот «you»? Люсе что-то подсказывало, что имеются в виду не желающие прокатиться иностранцы, а именно она, а этот залепленный снегом автобус – и есть Европа, одновременно близкая и совершенно недостижимая. Из-за Европы выглянула красная милицмейская харя и ухмыльнулась настолько в такт Люсиным мыслям, что она рефлекторно повернула назад.

Поднявшись по ступенькам на площадку перед «Интуристом», она подошла к ларьку, где продавали кофе. Обычно перед ним топталась очередь минут на пять, но сегодня из-за мороза было пусто и даже плексигласовое оконце было закрыто. Люся постучала. Девушка, дремавшая возле гриля, встала, подошла к стойке и со знакомой ненавистью глянула на Люсину лисью шубу («пятнадцать кусков», как ее называли подруги), лисью шапку и на чуть тронутое дорогой косметикой лицо, глядевшее на нее из заснеженного темного мира.

– Кофе, пожалуйста, – сказала Люся.

Девушка сунула два кофейника в песок на плите, взяла рубль и спросила:

– Не холодно так, весь вечер на панели?

«Сука, а?» – подумала Люся, но в ответ ничего грубого не сказала, взяла кофе и отошла к столику.

Сегодня день был не очень удачный. Точнее сказать, совсем неудачный – возле «Националя» гужевались одни пьяные финны, и то, похоже, какие-то рыболовы. Мелькнул только седоватый худой француз с выпуклыми развратными глазами – но, проشمывнув раза два мимо Люси, так ничего и не сказал, кинул на лед возле урны пустую пачку «Житан», сунул руки в карманы дубленки и исчез за углом. Мороз. Холодно было так, что даже шоферы, торгующие сигаретами, презервативами и пивом, перенесли свою особую экономическую зону с улицы в узкий тамбур «Националя», где шутливо переругивались с весельчаком швейцаром:

– Это ты раньше был в гэбухе полковник, а сейчас такое же говно, как все... Или ты, может, весь холл купил? У нас тоже права человека имеются...

Люся зашла к ним, купила за четвертной «Салем» у какого-то дедуни с разъеденным носом и вышла опять на мороз. Фирмб дрыхла по своим номерам или глядела в окна на мигающий разноцветными огнями замерзший город и совсем, похоже, не думала о Люсином нежном теле.

«Пойти, что ли, в «Москву»?»

Люся брезгливо поглядела на серый имперский фасад, украшенный двухметровыми синими снежинками на белых полотнищах – от ветра по ткани проходили волны, и снежинки казались огромными синими вшами, шевелящимися на холодной стене.

«Хотя там тоже тухло...»

У подъезда «Москвы» было действительно безрадостно: снег, завывание ветра – так и казалось, что из-за колонн сейчас выйдут ребята с простыми открытыми лицами, в шинелях, с овчарками на широких брезентовых ремнях. Внутри, в больших мраморных сенях, пьяная

восточная компания пела какой-то древний боевой гимн, а с третьего этажа долетала другая музыка – ресторанная, блеющая:

– Воу-оу, ю-ин-зи-ами-нау...

Люся сдала шубу и шапку, поправила невесомый свитер с серебряными блестками и пошла на второй этаж. Хотя место было и гнилое, а все же именно здесь осенью Люся сняла немца на триста марок и два флакона «Пуассона» с распылителем. Лучше всего – это какой-нибудь пожилой коммивояжёр с полоской от обручального кольца на волосатом безымянном пальце – толстячок, уже обтяпавший свои дела с соввластью и ждущий теперь от дикой северной земли в меру сладкого и опасного приключения. Такой клиент не торчит на ступенях «Интуриста», а идет в угол потемнее, вроде «Москвы» или даже «Минска», от страха платит много, да и не заразный наверняка. А в запросах трогательно прост. Но встречается он редко и, главное, непредсказуемо – это как рыбу удить.

Люся взяла два коктейля, села за угловой столик в баре, щелкнула зажигалкой и дунула дорогим дымом в темный потолок. Вокруг было почти пусто. За столиком напротив сидели два морских офицера в черной форме – лысые, с гробовыми лицами. Перед каждым желтело по нетронутому стакану с коктейлем, а на полу под столиком стояла бутылка водки – они пили через длинную пластиковую трубочку, передавая ее друг другу таким же спокойным и точным движением, каким, наверно, нажимали кнопки и переключали тумблеры на пультах своего подводного ракетносца.

Допью – и домой, подумала Люся.

Заглушая музыку с третьего этажа, заиграл магнитофон, и тут вдруг у Люси по спине прошла слабая судорога. Это была старая песня «Аббы» – что-то про трубача, луну и так далее. В восемьдесят четвертом – или восемьдесят пятом? – именно ее все лето крутил старенький катушечный «Маяк» в штабе стройотряда. Где ж это было? Астрахань? Или Саратов? Господи, со странным чувством подумала Люся, вот ведь забросила жизнь. Сказал бы кто тогда, даже в шутку – сразу бы в рожу получил. И главное, как-то все само собой вышло. Или не само?

– Па-а-звольте вас пригласить.

Люся подняла голову. Перед ней стоял черный морской офицер, без выражения глядел ей в лицо и чуть покачивал длинными руками, вытянутыми вдоль туловища.

– Куда? – не поняла Люся.

– На танец. Армия – это танец. Танец рождает свободу.

Люся открыла было рот, а потом неожиданно для самой себя кивнула головой и встала.

Черные руки, как замок на чемодане, щелкнулись у нее за спиной, и офицер стал мелкими шагами ходить между столиков, увлекая Люсю за собой и норовя прижаться к ней своим черным кителем – это был даже не китель, а что-то вроде школьной курточки, только большой и с погонами. Перемещался офицер совершенно не в такт музыке. Видно, у него внутри играл свой маленький оркестр, исполнявший что-то медленное и надрывное. Из его рта веяло водкой – не перегаром, а именно холодным и чистым химическим запахом.

– Ты чего лысый-то? – спросила Люся, чуть отпихивая офицера от себя. – Ведь молодой еще.

– Семь лет в стальном гробу-у, – тихо пропел офицер, подняв на последнем слове голос почти до фальцета.

– Шутишь? – спросила Люся.

– В гробу-у, – протянул офицер и откровенно прижался к ней.

– А ты знаешь хоть, что такое свобода? – отталкивая его, спросила Люся. – Знаешь?

Офицер что-то промычал.

Музыка кончилась, и Люся, без всяких церемоний отделив его от себя, вернулась к столику и села. Коктейль был на вкус отвратительным; Люся отодвинула его и, чтобы чем-

нибудь себя занять, раскрыла на коленях сумочку. Раздвинув страницы лежащего между пудреницей и зубной щеткой номера «Молодой гвардии» (зная, что этого журнала никто никогда не откроет, она прятала в нем валюту), она стала на ощупь считать зеленые пятерки, вызывая в памяти благородное лицо Линкольна и надпись со словами «legal tender», которые она переводила как «легальная нежность». Бумажек оставалось всего восемь, и Люся, вздохнув, решила попытать счастья на третьем этаже, чтобы не мучила потом совесть.

Дорогу наверх преграждал толстый бархатный шнур, перед которым толпились совки, желающие попасть в ресторан, а узкий остававшийся проход был заполнен сидящим на табурете старшим официантом в синей форме с какими-то желтыми нашивками. Люся кивнула ему, перешагнула шнур, поднялась в ресторан и свернула в кафельный закуток перед буфетом. Там как раз стоял знакомый официант Сережа и через пластмассовую воронку переливал остатки шампанского из множества бокалов в бутылку, уже перехваченную салфеткой и стоящую в ведерке.

– Привет, Сережа, – сказала Люся, – как сегодня?

Сережа улыбнулся и помахал ей рукой – он относился к Люсе с тем бескорыстным уважением и симпатией, с каким, наверно, знатный токарь думает субботним вечером о знакомом асе-фрезеровщике.

– Ерунда, Люсь. Два поляка драных и Кампучия с тяпками. Ты в пятницу приходи. Нефтяные арабы будут. Я тебя к самому потному посажу.

– Боюсь я эту Азию, – вздохнула Люся. – Я как-то с одним арабом работала – ты, Сергей, не поверишь. Он с собой в чемодане дамасскую саблю возит – она сворачивается, как этот... – Люся показала руками.

– Ремень, – подсказал Сергей.

– Нет, не ремень, а этот... Метр складной. Он без этой сабли возбудиться не может. Всю ночь ее из руки не выпускал, подушку пополам разрубил. Я к утру вся в пуху была. Хорошо, там ванная в номере...

Сережа посмеялся, подхватил поднос с шампанским и убежал в зал. Люся задержалась на секунду у мраморного ограждения, чтобы поглядеть на расписной потолок, – в его центре была огромная фреска, изображавшая, как Люся смутно догадывалась, сотворение мира, в котором она родилась и выросла и который за последние несколько лет уже успел куда-то исчезнуть: в центре огромными букетами расплывались огни салюта, а по углам стояли титаны – не то лыжники в тренировочных, не то студенты с тетрадами под мышкой, – Люся никогда не разглядывала их, потому что все ее внимание притягивали стрелы и звезды салюта, нарисованные какими-то давно забытыми цветами, теми самыми, которыми утро красит еще иногда стены старого Кремля: сиреневыми, розовыми и нежно-лиловыми, напоминающими о давно канувших в Лету жестяных карамельных коробках, зубном порошке и ветхих настенных календариках, оставшихся вместе с пачкой облигаций от забытой уже бабушки.

При виде этой росписи Люсе всегда становилось грустно; стало и сейчас. Здесь ее часто посещали мысли о бренности существования – а тут еще вспомнилась знакомая, Наташа, которая нашла себе в мужья пожилого негра и уже совсем было собрала чемоданы, но совершенно неожиданно вместо хлебной и теплой Зимбабве попала на мерзлое советское кладбище. Кто ее убил, было совершенно непонятно, но, видимо, это был какой-то маньяк, потому что во рту у нее нашли белую шахматную пешку.

Люся представила себе покрытый ледяной коркой сугроб, а в нем – свой труп с открытым ртом, из которого торчит белая пешка, и ей вдруг стало страшно оставаться в этом огромном, нечистом, орущем пьяными голосами и дребезжащем посудой здании.

Она быстро вышла из зала и пошла вниз, к гардеробу. Видно, что-то произошло с ее лицом – старший официант посмотрел на нее и сразу отвел удивленный взгляд в сторону.

«Успокойся, дура, – велела себе Люся, – как с такими мыслями работать будешь? Никто тебя не убьет». Музыка из ресторана была слышна внизу даже лучше, чем на третьем этаже, – тише, но отчетливей.

– Воу-оу, – бог весть в какой раз провыл за сегодня певец, хлопнула дверь, и то же самое завыл ветер.

У подъезда стояла девушка в черном кожаном балахоне и зеленой шерстяной шапочке. Из ее кармана торчал номер «Молодой гвардии», и Люся поняла, что это коллега. Да и без журнала можно было догадаться.

– Дай сигарету, – попросила девушка.

Люся дала, и девушка закурила.

– Как там? – спросила она.

– Пустота, – ответила Люся, – пьяные матросы какие-то и совки. В «Интурист» пойти, что ли?

– Только что оттуда, – ответила девушка. – Там береза сидит, Аньку сегодня опять повязали. Ее кубинский генерал кокаином угостил, так ей, дуре, так стало радостно, что она официанту двадцать долларов сунула на чай. А официант идейный оказался, в Сальвадоре контуженный. Он ей говорит: попалась бы ты мне, сука, в джунглях, я б тебя сначала ребятам отдал для потехи, а потом – голой жопой в термитник. Я, говорит, кровь проливал, а ты страну позоришь.

– Еще подумать надо, кто страну позорит. А чего они обнаглели так? Опять на венских переговорах тупик?

– Да при чем тут переговоры? – сказала девушка. – Это что-то новое идет. Ты про Наташу слышала?

– Про какую? Которую убили, что ли? – стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно, спросила Люся.

– Ну. Которую с пешкой во рту в сугроб бросили.

– Слышала. И что?

– А то, что позавчера у «Космоса» Таньку Поликарпову нашли. С ладьей.

– Таньку замочили? – похолодела Люся. – Неужто гэбэ? Или рэкет?

– Не знаю, не знаю, – задумчиво сказала девушка. – Не похоже. Валюту не взяли, сумку с продуктами – тоже. Только ладью положили в рот. Ну да ладно, чего об этом на ночь глядя...

Люся нервно полезла за сигаретой.

– Тебя как звать-то? – спросила она.

– Нелли, – ответила девушка, – а ты Люся, я знаю. Как раз Анька сегодня про тебя вспоминала.

Люся внимательно поглядела на собеседницу: ямочки на щеках, чуть вздернутый нос, подчеркнутые ресницы – Люсе казалось, что она уже видела где-то это лицо, видела много раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.